

Кевин Уиндл

О воспоминаниях Владимира Кабо в свете романа Абрама Терца "Спокойной ночи" и других публикаций

Studia Rossica Posnaniensia 28, 55-61

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

О ВОСПОМИНАНИЯХ ВЛАДИМИРА КАБО
В СВЕТЕ РОМАНА АБРАМА ТЕРЦА *СПОКОЙНОЙ НОЧИ*
И ДРУГИХ ПУБЛИКАЦИЙ*

THE MEMOIRS OF VLADIMIR KABO IN THE LIGHT OF ABRAM TERTS'S
SPOKOINOI NOCHI AND OTHER PUBLICATIONS

КЕВИН УИНДЛ

ABSTRACT. The memoirs of the ethnographer Vladimir Kabo, *Doroga v Avstraliuu* (New York, 1995), describe his childhood in Moscow, his experience as a soldier in the latter part of World War II, his studies at Moscow State University, his years in prison and labour camp, and his later life as a scholar investigating the anthropology of the Australian aborigines. The Jewish motif is strongly felt throughout his story. Links with Abram Terts's (Andrei Siniavsky's) *Spokoinoi nochi* and I. Grekova's *Svezho predanie* emerge in his account of his denunciation and arrest in 1949.

Kevin Windle, Australian National University, Department of Modern European Languages, Canberra, ACT 0200, Australia.

Воспоминания этнографа Владимира Кабо *Дорога в Австралию*, появившиеся в 1995 году в Нью-Йорке в небольшом тираже, пока еще мало известны, хотя их высоко оценили и покойный Андрей Синявский, и известный специалист по политическим наукам Гарри Райгби. Книга безусловно заслуживает внимания широкого круга читателей. В ней автор рассказывает о своей жизни и научной карьере, и о том советском обществе, в котором он жил до 65-ти лет, затрагивая при этом самые разные, иногда и злободневные темы. Его воспоминания охватывают войну, студенческие годы в МГУ, тюрьму, лагерь, и его профессиональную деятельность в Институте этнографии АН СССР, где он занимался исследованиями об австралийских аборигенах. Среди тем, затронутых в книге, выделяется и еврейская тема, хотя она далеко не главная.

В его биографии, особенно в ранний период, проявляются многие черты, характерные для биографии других людей его поколения из той

* Отдельные части этой статьи были впервые опубликованы под заглавием *The Belly of the Whale Revisited: the history and literature surrounding a character in Terts's „Spokoinoi nochi”*, в журнале „Slavonic and East European Review”, 76/1, January 1997. Автор благодарен редакции этого журнала за разрешение вновь воспользоваться этими материалами.

же интеллигентской среды. Так как книга не пользуется широкой известностью, предлагаю сначала краткое изложение ее содержания.

После вступительной первой главы, в которой автор говорит о последнем периоде, о его эмигрантской жизни в столице Австралии, он возвращается к предыстории своей семьи. Он рассказывает о молодости отца и матери, которым он посвящает отдельные главы. Оба они были родом с юга России, из Приазовья, выросли в еврейской среде и оба в молодости отошли от еврейской религии и вступили в революционное движение. За свою активную революционную деятельность они были сосланы в архангельскую губернию, где им пришлось сидеть несколько лет. Поскольку они примкнули к меньшевистскому крылу социал-демократов, после революции они не могли занимать каких-нибудь видных постов. Но отцу удалось посвятить свои силы и энергию науке. В течение многих лет он читал лекции по истории народов Азии в новом Университете трудящихся востока.

Их дети росли в Москве. Первые годы войны семья провела в эвакуации на Алтае, но последний год войны Владимир Рафаилович провел в армии. Он воевал на фронте в боях на территории Польши и принимал участие в штурме Берлина. Вернувшись домой в 1945 г., он поступил на истфак МГУ, где он учился вплоть до ареста в 1949 г. по доносу. К обстоятельствам ареста я вернусь чуть позже, так как тема доноительства также объединяет те произведения, о которых пойдет речь, а пока скажу, что со своим приятелем Юрием Брегелем он получил десятилетний срок за антисоветскую деятельность. Срок он отбывал в тех же самых архангельских местах, где при царе были в ссылке его родители-революционеры. Условия жизни и работы в лагере были у него не самые тяжелые. На лесоповале он не бывал, а работал в плановой части, как он сам говорит „придурком” (с. 201), и имел доступ к самым разным книгам и возможность углубить свои знания истории.

Домой он вернулся в августе 1954 г., так же как и его друг Брегель, отсидев пять лет, и тогда возобновил свою деятельность в университете. Был реабилитирован в августе 1956 г. Он получил диплом и потом закончил аспирантуру. С этого момента и начинается та научная деятельность, о которой он мечтал. Сначала он работал в Ленинграде, потом в Москве. Началась и семейная жизнь; он женился и вскоре родилась единственная дочь, Елена. Много лет Владимир Рафаилович занимался вопросами истории и культуры первобытного человека, писал исследовательские работы, в частности о коренных жителях Австралии, которых он никогда не видел. Несмотря на это обстоятельство, он стал одним из ведущих советских специалистов в этой области этнографии.

Только в 1990 г. он получил возможность выехать в столицу Австралии по приглашению Австралийского национального университета. В Австралии он впервые познакомился с лицами аборигенского проис-

хождения, с первобытными людьми, о которых он давно писал. В Австралию он приехал вместе со второй женой, Еленой Викторовной Говор (первая жена умерла в 80-е годы), и в 1992 г. в Канберре у них родился сын Рафаил.

Еврейский мотив, хотя и присутствует с самого начала в рассказах о родителях, остается на втором плане. Невольно вспоминаются известные слова из романа Ильфа и Петрова *Золотой теленок*: „Евреи есть, а вопроса нет”. В главах, посвященных детству в Москве, первое место занимают другие темы. Вся семья, по-видимому, жила жизнью московской интеллигентной семьи, в которой религия не играла роли. Родители Владимира и его сестры остались евреями только „по национальности”.

Напрашивается сравнение с замечательным романом И. Грековой *Свежо предание*, который стал известным только в том же 1995 г., хотя он был написан в 1962 г. Герой, Константин Исаакович Левин, в юные годы не считает себя евреем (в раннем детстве даже не знает этого слова, и немного позже цитирует Ильфа и Петрова, считая, что этого вопроса действительно нет, что он ушел в прошлое). Он как бы становится евреем, поскольку окружающие люди так его называют. Левин, 1917 г. рождения, тоже сын преданных делу революционеров. И. Левин и Кабо теряют близких людей в первые военные месяцы, – у Левина младшая сестра попадает к немцам под Житомиром, на расстрел, и вместе с ней его жена, которая заявляет, что она тоже еврейского происхождения, хотя это не так. У Кабо дедушку убивают немцы на окраинах Бердянска.

В воспоминаниях Кабо еврейская тема более настойчиво начинает давать о себе знать, начиная с главы, посвященной военной службе автора. Уже по дороге на фронт в 1944 г. Кабо испытывает на себе отрицательное отношение некоторых своих товарищей по оружию к лицам еврейского происхождения – „зловонные облака антисемитизма клубились вокруг” (с. 88). Немного позже решив, что „пятый пункт” станет помехой в жизни, он выбрасывает свою красноармейскую книжку и приобретает новую, с новой фамилией – и становится Владимиром Морозовым! Однако немного позже, посоветовавшись с родителями, он таким же образом получает обратно свою первую фамилию. (Родители убедили его, что он поступил очень легкомысленно и что он может за это пострадать после войны, если не раньше).

О символике фамилий, об измененных фамилиях и о „скобках” в газетных статьях послевоенного времени в конце 40-х годов сказано и в (гораздо более трагичном) романе Грековой, где цитируются газетные заголовки: „проходимец Мальников (Мельман); безродный космополит Яковлев (Хольцман)” (с. 137).

Антисемитизм послевоенных лет находит отражение в главе *Университет*, когда он пишет о травле профессоров еврейского происхождения.

Зато в главах, посвященных годам заключения, эти вопросы занимают менее видное место.

Для многих читателей, особенно для поклонников известного писателя Андрея Синявского (Абрама Терца), самый большой интерес представят пожалуй те места, в которых пересекаются судьбы Кабо и Синявского. Их объединяет дружба с одной личностью, которая сыграла зловещую роль в жизни и будущего этнографа и будущего писателя и литературного критика. Это Сергей Григорьевич Хмельницкий, с которым и Синявский и Кабо дружили уже в школьные годы, в конце 30-х годов. Именно по его доносу Кабо и Брегель получили десятилетний срок заключения.

Кабо посвящает другу детства главу, озаглавленную *Герой нашего времени*. В ней мы видим молодого человека незаурядных способностей, блестящего поэта (по словам Синявского, гения), знатока искусства, знатока поэзии, в том числе и запретной. Он, по определению Кабо и Синявского, – эстет, из интеллигентской еврейской семьи (Кабо); из „достаточно еврейской семьи” (Синявский), но, по-видимому, как и семья Кабо, не из верующих. Кабо приводит множество подробностей о том, как он с Хмельницким проводил свободное время, о чем разговаривали, о том, как Хмельницкий смело затрагивал в разговоре самые опасные темы. Он заводил знакомства во многих кругах, прежде всего среди интеллигенции. Знаменательно, что, по словам Кабо, „с началом антиеврейской кампании он стремился расширить круг своих знакомых-евреев. Психологический расчет органов понятен: кто же лучше еврея способен собрать в этой среде нужную им информацию [...]?” (с. 141). Далее, „в разгар еврейского погрома, когда евреев сажали по обвинению в национализме и сионизме [...], Хмельницкий сочинил драму в стихах, главным героем ее был вождь еврейского народа Моисей и называлась она *Исход*”. Эту драму он читал всем своим знакомым-евреям, „чтобы увидеть и услышать их реакцию”.

Синявский (Терц) в своем автобиографическом романе *Спокойной ночи* (1984), в частности в самой нашумевшей главе под заглавием *Во чреве китовом*, пишет о том, как и Хмельницкий (в романе *С или Сережа*) и он сам были завербованы органами госбезопасности, чтобы доносить на знакомую француженку Элен Пельтье (Hélène Peltier). Чтобы освободиться от своих обязанностей, Синявский передает свой секрет самой Элен и инсценирует с ней разрыв, весть о котором Хмельницкий, будучи более надежным сотрудником органов, обязан передать „куда надо”. Таким образом Синявский встает на путь внутреннего сопротивления режиму, подвергаясь тем самым немалой опасности. Рассказывая об этом, Синявский упоминает и о том, как в том же 1949 г. по доносу Хмельницкого сели в тюрьму Кабо и Брегель, его близкие друзья. Хмельницкий с характерным драматизмом доверяет Синявскому свой

секрет: „На мне уже два трупа висят. Два трупа! Я – убийца...” (Спокойной ночи, с. 383).

В мемуарах Кабо один из „ни в чем не повинных друзей” (по словам Хмельницкого) завершает свой рассказ о Хмельницком сообщением о том, что было дальше в жизни его бывшего друга. Кабо подробно описывает неординарное событие в советском обществе, публичное разоблачение доносчика, которое имело место в Москве в 1964 г. Нашумевший скандал, вести о котором быстро распространились по столице, привлек внимание многих людей, хотя теперь, естественно, многие успели об этом забыть. Об этой истории следует сказать особо, потому что именно в этом эпизоде мы видим главную общественную заслугу Кабо и его друга Брегеля. Зная, что им грозят самые неприятные последствия, они все-таки решили выступить публично с разоблачением бывшего друга, который их посадил в тюрьму. Советская система высшего образования представляла уникальную возможность любому человеку на защите кандидатской диссертации выступить с заявлением о гражданском облике соискателя. Ученый совет обязан интересоваться не только самой диссертацией, но и его общественным лицом. Брегель выступил от своего имени и от имени Кабо (который находился в то время в Ленинграде) и рассказал о том, как были состряпаны показания против них в 1949 г.

Выступление Брегеля на защите имело довольно большой резонанс, хотя, естественно, весть о нем передавалась только из уст в уста. Тема доносительства и сотрудничества с органами и в сталинские времена и в хрущевские опять стала злободневной, ведь не часто о них говорилось на официальных мероприятиях. Инициаторы этого действия опять привлекли к себе внимание органов тем, что они разоблачили их верного слугу, а последствия этого ощущали на себе в течение многих лет. А Хмельницкий, который хоть и получил кандидатскую степень, был исключен из тех интеллигентских кругов, в которых он до сих пор вращался. Он уехал надолго в среднюю Азию в то время, когда уже назревало дело Синявского и Даниэля (1966 г.).

Тема социального наказания доносчика появляется и в повести Юлиа Даниэля *Искушение*. Это одно из произведений, за которое автор получил пятилетний срок в лагере. В основе повести лежит история Хмельницкого, с которым Даниэль также долго дружил, но у него история изложена в измененном виде. У Даниэля рассказчик, Виктор Вольский, обвинен одним бывшим другом, Феликсом Черновым, в том, что он на него донес, что именно из-за Вольского Чернов попал в лагерь. На самом деле, Вольский в этом не виновен, но никто ему не верит и он не может доказать свою невиновность. В результате все друзья и знакомые отворачиваются от него. Он попадает в сумасшедший дом.

Известно, что Даниэль взял за основу повести именно историю Хмельницкого, хотя у Даниэля она развивается не так, как в действительности.

(Хмельницкий играл важную роль в создании другой повести Даниэля *Говорит Москва*. Именно он придумал основную тему – „день убийства” – и подарил ее Даниэлю).

Через 20 лет вся эта история вновь всплыла на страницах зарубежной русскоязычной печати после публикации в Париже *Спокойной ночи* и последующего ответа самого Хмельницкого *Из чрева китова*, в котором он всем заявляет, что персонаж, обозначенный в романе буквой С или именем Сережа – это он, Сергей Григорьевич Хмельницкий¹. В последовавшем горячем обмене мнениями стали известны еще многие подробности из прошлого участников. Пошли и ложные обвинения против Снявского. (Но это – отдельная история).

В скандале, который разразился вокруг фигуры Хмельницкого, не хотелось бы выделять какой-нибудь „еврейский мотив”, прежде всего потому, что совершенно ясно, что участники такими категориями не мыслят. Ими движут совсем другие соображения, такие, как правда и общественная справедливость или защита своей собственной репутации. Опять „евреи есть, а вопроса (почти) нет”. Интересно, однако, что единственный участник нееврейского происхождения пишет об этом под нарочно еврейским псевдонимом – Абрам Терц. (Кстати, его бывший друг Хмельницкий, комментируя в 1986 г., как автор изобразил его в *Спокойной ночи*, намекает, что за этим портретом якобы скрывается некоторый антисемитизм со стороны автора, хотя, судя по всему, в тот период когда они дружили, этот вопрос вообще не возникал).

Что касается темы доноительства, то она не исчерпывается историей Кабо и Хмельницкого. Она возникает и в других местах: Кабо в главе о войне, рассказывает о том, как и его вербовали в доносчики в 1944 г. Он получил приказ от офицера органов госбезопасности передавать ему содержание разговоров других солдат. Он этого не делает, и, как ни странно, его оставляют в покое, забывают о нем в военной неразберихе. Подобный, очень важный момент мы видим и в романе Грековой, но с более трагичным исходом: майор МГБ Авдеенко оказывает давление на Юру Нестерова, чтобы тот стал передавать ему информацию об окружающих его людях; Нестеров отказывается, не верит, когда Авдеенко общается Нестерову, что его лучший друг Костя Левин „оказался не таким трудным” (*Свежо предание*, с. 170). Услышав такую ложную дискредитацию своего друга, Нестеров тут же кидается на следователя с кулаками и за это сразу попадает в тюремную камеру.

В заключение хочется сказать, что воспоминания Кабо представляют собой важный документ о советской эпохе, который освещает самые разные аспекты жизни этого периода и затрагивает многие коренные вопросы. Здесь переплетаются мотив доноительства, мотив разоблачения

¹ См.: „Двадцать два” 1986, № 48, с. 151-187.

(ложное разоблачение антисоветчиков; разоблачение настоящего доносчика) и еврейский мотив. Если читать эти мемуары вместе с романами Синявского-Терца и Грековой, получается нечто вроде трилогии разных авторов на сходные темы, в которой судьбы людей одного поколения развиваются, идут параллельно, а то и пересекаются.